

Революция — великий водораздел

Не приведи Бог видеть русский бунт,
бессмысленный и беспощадный...

Пушкин этими ставшими знаменитыми словами характеризовал восстание Пугачева, которое в его время еще было свежим воспоминанием. После этого символом русского восстания стал 1917 г., который в национальной истории явился бесспорным моментом судьбы. Чем была революция 1917 г. в России? Был ли это бессмысленный бунт — не созидающий, а уничтожающий? Была ли Февральская революция, по крайней мере, подлинным освободительным восстанием народа, которое было задушено осуществленным в октябре захватом власти большевиками?

Бывший член Политбюро и отец перестройки Александр Яковлев писал, что российская революция была мятежом босяков. И босяками были те, кто запросто поджигал крестьянский сарай, чтобы испечь в пламени цыпленка, который, к тому же, не был его собственным. Босяки были не облагороженными бедняками, а людьми развращенными, не имеющими собственной воли и морали, планов и перспектив.

Исследователи высказывают по этому поводу заумные суждения и рассуждают об участии масс в событиях и месте тех или иных элементов в них. Фактом является то, что в той революции рухнула Россия. Как государство она на значительное время перестала существовать, и это было главной целью, которая входила в замыслы известных сторон. К активным сторонникам революции первоначально — до марта — принадлежала почти целиком вся интеллигенция. Кроме того, воодушевление испытывали даже реакционеры, которые верили, что смогут заменить неудачливого монарха на лучшего и пользующегося большим доверием. На практике возник неуправляемый хаос, который назвали «свободой». В Финляндии «свобода» сразу нашла свой отклик и значение, она означала, что не требуется никому повиноваться.

Хельсинки был главной базой российского Балтийского флота, и сразу, как только дошли новости о революции в Петрограде, здесь начались ужасные события. Отряды матросов устраивали расправы над офицерами. Кого-то расстреливали, кого-то травили на улицах, других забивали ударом кувалды по затылку. Десятки офицеров лишились жизни только за то, что носили галуны императорского флота. Это явление вскоре распространилось на всю

армию. Отданный Керенским приказ № 1 в принципе уравнивал личный состав с офицерами. Смертные приговоры были отменены в ведущей войну армии, и для контроля за подозрительными элементами были поставлены комиссары. Многих из «подозрительных» отстранили, в том числе и Маннергейма, который испытал огромное огорчение, т. к. никогда не верил, что позорит себя, нося мундир офицера российской армии. Теперь времена изменились.

«Демократическая» армия была и есть в числе чудовищных армий. Как и можно было ожидать, дисциплина очень быстро рухнула полностью. К службе относились небрежно или пренебрегали ею полностью. В Турку затонула подводная лодка, когда кок забыл закрыть на кухне вытяжку. Вместо тренировок солдаты начали увлекаться выпивкой и танцами, на которых местные девушки были более чем желанны. На продажу неслось все, что можно было унести с флота и из складов, оружие — в помойных ведрах. При необходимости воинские отряды крали картофель с крестьянских полей и скот с пастбищ.

Когда где-то начинался дебош, «флотские» всегда готовы были принять участие. Власти были бессильны, когда в Турку грабили торговые лавки, а во время профсоюзных маршей вооруженные матросы придавали большую убедительность лозунгам рабочего класса, который ощущал теперь свою силу.

Российское угнетение было свергнуто, и в Финляндии все как один расхваливали российскую демократию, ее благородный народ и идейную интеллигенцию, которые стряхнули иго угнетения и возвратили Финляндии ее свободу. В газете *Valvoja* было опубликовано восторженное стихотворение «Справедливый человек», которое рассказывало о Керенском, символе новой России. В Петрограде выставка финского искусства пользовалась огромной популярностью, и столичная интеллигенция расточала знаки сочувствия еще недавно угнетенной приграничной стране.

«Медовый месяц», правда, длился недолго, его заслонила попытка финнов взять в собственные руки исполнительную власть принятием т.н. закона о власти. Эта попытка, прежде всего, социал-демократов, разумеется, была в воюющей стране очень опасной, и правительство Керенского подавило ее силой, как только почувствовало себя прочнее после июльских неурядиц.

Россия шла к своему окончательному краху, как мы теперь знаем. Направление развития не было тайной и для наблюдателей-современников. Максим Горький, который еще недавно стоял, безусловно, на стороне революции в завершающей борьбе против

угнетения, был безутешен: это не было подлинной революцией, это было лишь безрассудное насилие. Подлинная революция совершалась бы ради культурных ценностей, тогда же народ рвал и разрушал все, что попадало в его руки. В сельской местности уничтожались хозяйства, а средства производства растаскивались или приводились в негодность. Фортепиано могли разломать на куски и разделить клавиши поровну среди всех. Горький понимал, что это не был процесс великого освобождения, в котором Человек с большой буквы свергает буржуазию, это ищущий добычу скот и карикатура на человека. Горький спасал свою идею, заявляя, что эта революция была восстанием русских крестьян против культуры. А крестьянин, по своей природе, был частным собственником, мелким буржуа, как понимал его каждый марксист. Только приход к власти настоящего рабочего, пролетария, положил бы конец этой бестолковой оргии.

В Финляндии «свобода» с русских частей перешла на ближайшие к ним круги и распространялась все дальше. Начали догадываться, что нет никого, кто мог бы помешать массам делать то, что им придет в голову. Еще в июле Керенский мог направлять солдат для охраны дома Хеймола¹, чтобы не допустить проведения заседаний распущенного сейма. Для Керенского будущей угрозой становилась также подпольная деятельность Ленина, и тот бежал в Финляндию, где мог укрыться у своих радикальных друзей. В Финляндии Ленин написал сумбурную и неправдоподобно наивную книгу «Государство и революция», в которой доказывал, что в России можно привести к власти пролетариат, который способен сразу создать новый государственный аппарат. С его помощью он осуществлял бы свою власть, до тех пор, пока всякая государственная власть не перестанет быть необходимой. Тогда люди стали бы сами управлять самими собой в полном согласии и взаимопонимании на благо всех и с благословения всех. До этого, все же, следует осуществлять власть при помощи жесткой и безжалостной дисциплины и подавлять прежних угнетателей и прочих неподдающихся элементов...

Всем работам Ленина позже приписывали удивительную мудрость, т. к. ему посчастливилось удержать власть в руках своей клики, хотя он и успел до этого уничтожить всю Россию. Позже наследники этой самой диктатуры смогли отстроить на руинах великое

¹ Здание в центре Хельсинки, в котором в 1909–1930 гг. заседал сейм Финляндии.

тоталитарное государство, за что прославляли Ленина и объясняли весь процесс, в начале которого имелось немного неотвратимых затруднений, всемирно-исторической необходимостью.

Ни с чем так не свыкаешься, как с успехом. Читая теперь сочинения Ленина, нельзя не изумляться той слепой вере в авторитеты столетней давности, которой от них веяло, и той фантастической мании, по сути, нарциссизму, для которой никакие жертвы ничего не значили, шла ли речь о границах государства или о невинной душе.

Однако современники видели собственными глазами, что происходило. Большевики заподурили власть, обещая больше, чем другие. В этом отношении они зависели от неумных и безответственных людей, которые польстились на их обещания. Их роль сводилась к разрушению, они не намеревались нести ответственность за Россию. Ответственность возложили на мировую революцию, которая исправила бы все недостатки мира. Их лозунг, согласно которому следовало грабить награбленное, великолепно подходил для тех безнравственных и не испытывающих стыда элементов, которые в те времена выступили на первый план. Представители идеалистической интеллигенции, меньшевики и социалисты-революционеры, не говоря уже о кадетях, были в ужасе. Что, в действительности, происходит в России? Был ли это хаос революцией или чем-то иным?

Николай Бердяев, глубокий знаток русской души, писал уже в ноябре 1917 г., что в России не произошло никакой революции. Он повторял то всеобщее воззрение, согласно которому захват власти большевиками не мог быть длительным периодом в истории страны. По мнению многих, речь шла о новом периоде хаоса, *смуте* и падение власти большевиков считалось неизбежным. В следующем году уже пришлось признать, что захват власти отнюдь не будет кратким периодом. Бердяев и его идейные соратники, которые в 1909 г. опубликовали известное совместное сочинение «Вехи» и предостерегали российскую интеллигенцию от не критичного сочувствия радикальному направлению, опубликовали новую исповедь «Из глубины».

Теперь Бердяев объяснял происшедшее особыми чертами русской души. Русский по своей природе двойственен, он либо апокалиптик, либо нигилист. По мнению Бердяева, Гоголь постиг тот звериный дух, который типичен для русского. Революция именно в этом гоголевском духе была трагикомедией, но вместе с тем она стала финалом гоголевской эпопеи. Бердяев

изображал революцию также как творение типов Достоевского: Иван Карамазов, интеллигент, мысленно убивает отца. Преступление, однако, совершается его сводным братом, имитирующим интеллигента, и ненавидящим его Смердяковым. Революция, считал Бердяев, во многом и вина Толстого. Толстой был сентименталистом, максималистом и анархистом. Его морализм был нигилистического и демонического свойства. Он восхищался простонародьем и презирал культуру. Тем самым он оправдывал высвобождение антигосударственных инстинктов народа. Русский народ мог бы нравственно выздороветь только отбросив идеи Толстого.

Толстой действительно остался под революционной лавиной, его евангельское непротивление злу крайне мало подходило тем сторонам гражданской войны, которые в середине 1918 г., наконец, приготовились выпустить кровь друг из друга. Толстой, как и вся российская интеллигенция, в широком смысле принадлежал к самым первым жертвам революции, уже никогда не вернувшим себе былого значения. Вождь кадетов Павел Милюков еще так недавно заявлял, что «слева нет врагов». Когда свергли самодержавие, то увидели, что все самые решительные враги либеральной интеллигенции были именно там. Оппозиция была недопустима, и большевики задушили ее в самом начале, в соответствии со своими способностями. Газеты были конфискованы, люди арестованы и казнены, выбранное на основе всеобщего и равного избирательного права Учредительное собрание — распущено. Взывание к принципам свободы, права и правды не помогало. Новая власть ясно показала, что она не признает никаких принципов, если они не приносят пользы ее делу. Интеллигенция жаловалась и протестовала. Одни переходили к активному сопротивлению, другие подчинялись. Во всяком случае, вся интеллигенция как социальная группа была объявлена подозрительной, и новая власть держала ее в ежовых рукавицах. С моральной точки зрения это направленное против «друзей народа» угнетение, разумеется, было невыносимым, но большевики открыто заявляли, что полагаются только на насилие и будут без пощады прибегать к нему.

Толстовцы и в Финляндии в 1917 г. испытали, что пришел их час. Теософ и толстовец-анархист Жан Болдт проповедовал у дверей кафедрального собора и с церковной кафедры. Заглянул сюда и известный писатель Арвид Ярнефельт, которому пришлось заночевать на соломе в полицейском участке. В конце концов, Болдта заключили в психиатрическую лечебницу. «Красная» власть

не оказалась для толстовцев лучше прежней. Отказывавшиеся от оружия братья Исохииси¹ были казнены.

Клявшийся именем Толстого Илмари Кианто теперь бодро забыл про принцип ненасилия и отправился на поле брани. Особенно хорошо известен его призыв убивать «волчиц», т. е. служивших в Красной гвардии женщин. Менее известно его натуралистическое описание войны *Elämän ja kuoleman kentiltä* («С полей жизни и смерти»), в котором можно увидеть натуралистическое неприятие. Отказавшийся в свое время от военной карьеры Кианто теперь считал своей обязанностью после гражданской войны продолжить борьбу в Беломорской Карелии, куда он отправился в военную экспедицию добровольцем. В.А. Коскенниemi был судьей по государственным преступлениям, а Эйно Райло счел винтовку подходящим товарищем и дополняющим перо рабочим инструментом, с которым он начал борьбу за освобождение Финляндии. В фельетоне «Хвала моему оружию» он писал в 1918 г.: «Вы — братья, перо и винтовка! Непроглядная ночь наступает в моей душе, когда я вспоминаю то состояние упадка, в котором перо в моей стране так часто оказывалось. Те посрамление и смерть, которые означает винтовка, все же являются меньшим разрушающим душу и тело ядом в сравнении с тем, который вытекает из держащей перо мерзкой души...»

К этим наиболее видным представителям лжи принадлежал, по мнению Райло, Алгот Унтола², он же Ирмари Рантамала, который во время гражданской войны писал страстные, едва ли не сумасшедшие и, бесспорно, мало отвечающие действительности статьи в газете *Tuómies*. Написанный им под псевдонимом Рантамала гигантский роман *Narhama* содержал в себе немало элементов толстовства. Разврат буржуазного мира и насилие осуждались в нем с таким же пылом, как это делал в своих сочинениях Толстой или Ярнефельт в романе *Veneh'ojalaiset*.

Райло провожал Унтола на корабле, отвозившем того из Хельсинки в Свеаборг. По каким-то причинам Унтола-Рантамала оказался в воде, и его застрелили. Это событие явно было частью той большой хирургической операции, которую Райло требовал прове-

¹ Имеются в виду толстовцы Аксель Рафаэль Исохииси (Эрнмарк) (1886–1918) и Ээло Исохииси (1883–1918), которые были расстреляны 22 апреля 1918 г.

² Алгот Унтола (Тиетявяйнен) (1868–1918) (псевдоним Майю Лассила) — редактор социал-демократической газеты «*Tuómies*». Погиб после ареста 21 мая 1918 г. при невыясненных обстоятельствах.

сти с помощью оружия в Финляндии. Эта ненависть оказалась здесь конкретно направленной против Унтола как символа «красности».

Толстовство представляло собой суть русскости, как его теперь понимали, и оно было тем духом и заразой, который олицетворяли поднявшие восстание красные.

Райло, Вилкуна и товарищи считали, что большевизм является исключительно российским явлением и что Толстой представлял тот же самый дух. В этом они не были одиноки. Под этим подписались бы многие представители российской интеллигенции. Для них, разумеется, это не означало, что все русское само по себе является дурным, для них оно означало только тот особый сорт зла, который телесно присутствует именно в русском типе.

Для финской интеллигенции 1918 г. и анархия предшествующего года стали, однако, огромным водоразделом в отношении к России.

Как уже отмечалось, отношения эти осложнялись еще с конца XIX столетия, но это касалось, прежде всего, российской власти и присущего ей в целом национализма. С представителями российской интеллигенции финские коллеги взаимодействовали хорошо, хотя связи и были довольно тонкими, как и сам слой интеллигенции.

Февральская революция, казалось, сделала совместное существование возможным. Финны разработали законопроект о новых отношениях России и Финляндии. Их намерением было сохранить связь с метрополией, хотя практически все властные полномочия во внутренних делах оставались у Великого княжества. На самом деле правительство Керенского одобрило этот закон едва ли не как свой последний акт. Финляндия, таким образом, не стремилась стать независимой. Так считали ее ответственные представители еще до октября.

Стать независимой Финляндию вынудила большевистская революция. Было невозможно даже представить верховную власть большевиков над Финляндией, в которой имелось буржуазное правительство (по крайней мере, по мнению буржуазии). Как известно, радикальные социалисты были иного мнения и опирались на Петроград, их большевики рассматривали теперь как единомышленников, хотя в более мирные времена стремились поддерживать некоторую дистанцию.

Случай упускать нельзя, и руководство социал-демократической партии вообразило весной 1918 г., что такой случай представился. Из Петрограда получили оружие, из русских частей прибыли

добровольцы, которые могли обращаться с артиллерией, и Совет народных комиссаров с готовностью признал финский Совет народных уполномоченных, как только тот был создан.

Была ли эта война освободительной? Это спорная тема, т. к. в боях приняло участие сравнительно незначительное количество русских. Война с обеих сторон в основном велась силами самих финнов. Все же нельзя оспаривать того факта, что необходимой предпосылкой войны оказалось предоставленное русским оружие. Но намеревались ли красные снова присоединять Финляндию к России? Они ведь заключили с ней договор, в котором «Финляндская социалистическая республика рабочих» оставалась независимой.

На переговорах даже спорили о границах и отказались от автоматического предоставления русским прав гражданства в Финляндии, хотя финны получили таковые в России. Уступкой все же было представление таких прав на возможно более легких условиях.

Было ли это изменой стране? Красные, бесспорно, были виновны в государственной измене после того, как предприняли мятеж, но «красная» Финляндия ставила все же целью сохранение независимости, по крайней мере, более независимой, чем Великое княжество весной 1917 г., в которой действовал закон о равноправии 1912 г. Она была даже более независимой, чем это предполагалось буржуазными кругами в подготовленном для Временного правительства и позже в одобренном новом договоре об отношениях Великого княжества и метрополии.

Стоит еще вспомнить принятый весной 1917 г. закон о власти и то, что правительство Керенского распустило сейм при поддержке буржуазных сенаторов. Красным отнюдь не доставало воли к независимости! Несмотря на это, остается бесспорным, что в 1918 г. с «белой» стороны на дело смотрели следующим образом: красные изменили собственной стране и стремились побрататься с чужим государством-угнетателем — врагом своей страны, губителем ее национальной идеи.

Была ли логика в том, что большевики, признав независимость Финляндии, стали ее угнетателями?

Есть основание проследить ход мыслей в то время белых сторонников независимости. Они уже годы, даже десятилетия жили под российским гнетом и угрозой, и им казалось, что наступающая русификация вот-вот одержит решающую победу. Финские возможности для выживания были незначительными, но русские порой считали нужным говорить тем, кто пытался напомнить, что Россия отнюдь не непобедима, — Россия все еще сильна для того,

чтобы победить Финляндию. Таким образом, русские отклоняли протесты финнов, завладевали их правовой системой через какую-нибудь «закавыку» в порядке представления законов и в законе о равноправии. Многие финны считали, что сопротивление только ухудшит дело, не говоря уже о таких действиях, как носившее характер государственной измены егерское движение.

И вот, внезапно, Финляндии выпадает чудесное спасение. Поддерживаемая миллионной армией Россия рухнула. Но и Финляндия рухнула как государство в то же самое время. Этот крах означал, однако, что пресвятая пограничная преграда между финнами и русскими была уничтожена. Впрочем, это касалось только «хулиганских» элементов среди финнов и русских. В России они вместе с большевиками вели целеустремленную агитацию, которая привела к анархии и грабёжам. В Финляндии эти элементы увлекли с собой социал-демократическую партию, т. к. ее руководство не смогло взять на себя ответственность за сохранение социального мира, а последовало за преступными и своевольными элементами. В революцию партия входила нехотя, что не уменьшало безрассудность дела, как констатировал Энтони Аптон. На происходившем сказывался и вызванный большевистским переворотом массовый психоз, но вера в решающее значение помощи соседа, пожалуй, была преступным и чрезвычайно губительным решением великих агитаторов. 25 января 1918 г., когда восстание в Карелии уже началось, Эйно Райло писал о гражданской войне как о единственном средстве спасения для народа, часть которого оказалась жертвой «страшного сифилиса нашего века», заключила союз «с насильником своей матери, предложила ему свою невесту и сестру, заняла у него орудия убийства и принялась вместе с ним уничтожать собственную родину».

На самом деле русской интеллигенции было трудно поверить, что считавшийся образованным и хорошо организованным рабочий класс Финляндии действительно последует за большевиками. По мнению российских наблюдателей, дело обстояло в Финляндии иначе, чем в России, именно там началась настоящая революция. При этом у социал-демократов в Финляндии была поддержка большинства, что можно было увидеть по результатам выборов 1916 г., переворот не был делом рук военных и не был связан с вопросом о мире. При этом в Финляндии не устраивали никаких оргий «грабь награбленное», не прибегали к одобряемому большевиками лозунгу о «беспощадности» и не говорили о скоропалительном установлении социализма,

но сосредоточились на проведении практических реформ. Так красиво представлялись дела в их начальной фазе в издававшейся меньшевиками «Новой жизни», а эсеровское «Дело народа» подчеркивало, что финские революционеры также обещали всеобщее избирательное право и референдум. Это было что-то иное, чем политика Ленина! Даже рупор кадетов уклонялся от прямого осуждения событий в Финляндии, в которых, как представлялось ему, в какой-то степени проявлялась демократическая направленность.

Оппозиционные российские газеты, которым, несмотря на преследования, порой удавалось выходить, не понимали всей трагичности финляндских событий.

Только тогда, когда весной стало известно о казнях русских в Выборге, начала выявляться правда. Жестокости белых в Финляндии стали серьезным предметом обсуждения. Уже рассказывали о тысячах русских, расстрелянных в Выборге, исключительно по той причине, что они были русскими. На самом же деле, цифры были сильно преувеличены. Такая национальная ненависть признавалась, однако, виной белых финнов и чуждой русским. Проживавшим в России финнам не платили той же монетой. Тем самым «необразованный» русский давал урок «образованным» финнам, считал один из авторов «Новой жизни».

Ненависть белых финнов была направлена против русских, т. к. их считали теперь не только «насилбниками матери», но также искусителями изменников своего народа и козлами отпущения во всей трагедии. Соплеменников убивали во множестве, находя причину во внешнем зле — русских. Собственно говоря, все финны пали жертвой русских.

«Чистка» в Финляндии продолжалась не с меньшей силой и после гражданской войны. В этот период ее подпитывала та же русофобия, которая усилилась в стране за очень короткое время, но теперь на дело повлияла и Германия, требовавшая изгнания жителей страны-неприятеля с контролируемой территории. Частично это требование обосновывалось также продовольственным кризисом. Как красочно утверждают документы того времени, изгнание осуществлялось нередко грубо и жестоко. Согласно старому русофилу Тойво Т. Кайла, следовало ожидать, что такая политика Финляндии быстро испортит ее реноме в российских демократических кругах, в которых она пользовалась дружественной поддержкой.

«Лахтарский характер» финнов стал, во всяком случае, распространенным понятием. Это было причиной, по которой в белых

российских кругах выражали сомнения в уместности расчетов на финнов в деле освобождения Петрограда от большевиков. Россия никогда не простила бы этого, т. к. финны уничтожали офицеров, гимназистов — всех, кого только могли.

У российской революции были собственные предпосылки, которые делают ее понятной, хотя это и не оправдывает варварства большевизма. Россия была крестьянской страной, в которой внезапный рост численности населения сверг огромную часть народа в бедность, а часть — в относительное разорение. В то время как загребавшие сверхприбыль спекулянты соревновались в хвастливых тратах, миллионы обездоленных смотрели в глаза голоду. Именно те, кто создавал благополучие высших классов, вынуждены были делать это за жалкие деньги и в скверных условиях.

В Финляндии дело обстояло не лучше. Партии в целом пеклись о народе, и многое было достигнуто. Пропасть между бедняками и господами была, однако, громадной. Это становится понятным уже при взгляде на те здания, которые строились в Хельсинки на рубеже XIX–XX столетий. При этом как в крестьянских домах, так и в рабочих предместьях городов жили часто в нужде. Еще Аристотель говорил, что государство, в котором распределение дохода крайне несбалансированно, не может быть прочным. В то время различия в доходах еще не были, пожалуй, настолько разительными, как ныне, но общий уровень был намного ниже. Работающий человек с трудом зарабатывал на жизнь даже в обычные времена. Вызванный войной и революцией переворот означал катастрофу.

Как Финляндия, так и Россия находились во многом в сходной ситуации, как сейчас так называемые развивающиеся страны. Жесткая эксплуатация предполагала жесткую дисциплину. Когда прежняя власть рухнула в результате русской революции, в Финляндии уже не было посредника между имеющими собственность и лишенными ее. Дисциплина была уничтожена.

Когда государство рухнуло, то у финской нации потеряла голову ее низшая часть. Несмотря на то, что в стране была демократическая власть большинства, она пренебрегала законом и правдой и попыталась украсть себе чужое добро. Лишенная морали, она оказалась на подхвате у угнетателя и попыталась уничтожить классы собственников, их культуру и религию. Примерно таким же образом выкристаллизовалось национально окрашенное представление финских белых о восстании, подавление которого в силу этого воспринималось как освободительная война.